

Александр Рудазов

АРХИМАГ
РЫЦАРИ ПРЕЧИСТОЙ ДЕВЫ
САМОЕ ЛУЧШЕЕ ОРУЖИЕ
СЕРЯЯ ЧУМА
ВОЙНА КОЛДУНОВ. ВТОРЖЕНИЕ
ВОЙНА КОЛДУНОВ. ШТУРМ ЦИТАДЕЛИ
ДЕТИ СУДНОГО ЧАСА
СОВЕТ ДВЕНАДЦАТИ
ШУМЕРСКИЕ НОЧИ
БИТВА ПОЛЧИЩ
ЗАРЯ НАД БЕЗДНОЙ

ТРИ ГЛАЗА И ШЕСТЬ РУК
ШЕСТИРУКИЙ РЕЗИДЕНТ
ДЕМОНЫ В ВАТИКАНЕ
СЫН АРХИДЕМОНА

ТРИ МУДРЕЦА В ОДНОМ ТАЗУ
ТАЙНА ПОХИЩЕННОЙ БАШНИ

ЭКИПАЖ

РАССКАЗЫ ИЗ ПРАВОГО БОТИНКА

ВЛАСТЕЛИН

ЗВЕРОЛОВ

Александр Рудазов

Заря над бездной

Роман

Москва, 2016
 АРМАДА
&
«Издательство А.ЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Р83

Художник
И. Воронин

Рудазов А. В.

Р83 Заря над бездной: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 445 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2178-7

Рано или поздно всегда начинается эндшпиль. Партия подходит к концу. Половина фигур уже сметена с доски, а оставшиеся вот-вот последуют за ними.

Потому что наступает день, каких еще не было. День, которого ожидали тысячи лет. Раскроется портал, и войдет в Темный мир армия под водительством величайшего из полководцев. Вплывет супердредноут, оснащенный оружием, способным разить богов. Грянет залп ста тысяч орудий, и взметнется в небо рыцари на крылатых конях. И осветит тьму вспышка, рожденная черным посохом — черным посохом в руке архимага.

Гнев, великий гнев разольется над миром. Воспрянут демоны, дабы покарать дерзких смертных. Поднимется из глубин Ктулху. Обретет новое тело Азаг-Гот. И даже С'ньяк поднимет голову, дабы взглянуть, что происходит.

Ибо над Лэнгом занимается заря.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Рудазов А. В., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2178-7

Перед ними потрясется земля, поколеблется небо; солнце и луна помрачатся, и звезды потеряют свой свет. И Господь даст глас Свой пред воинством Своим, ибо весьма многочисленно полчище Его и могуществен исполнитель слова Его; ибо велик день Господень и весьма страшен, и кто выдержит его?

Книга пророка Иоиля (2, 10-11)

Снова время струится сквозь пальцы песком,
Мироздание рушится все целиком.
Замолчи и внимай тому, что грядет.
Ничего не останется. Все пропадет.
Небосвод почернел, земля затряслась,
Жизни закончены, смерть началась.
Ты высоко вознесся, бросив вызов судьбе,
Но жестоко судьба оплатит тебе.
Рвешься в горнюю высь, на пути все круша,
Но одни лишь страданья познает душа.

Абу-ль-Атахия

ГЛАВА 1

Когда говорят о Ледяном Царстве, прежде всего говорят о холоде. В Ледяном Царстве всегда холодно. Куда ни брось взгляд — нет иного цвета, кроме белого. Ни единого деревца, ни единого кустика. Бескрайняя снежная пустыня, усеянная бесконечной высоты ледяными шпильями. Почва промерзла до каменной твердости и лишь кое-где перемежается неглубокими болотами. Плещется в них отнюдь не вода, но скхарна — белесая вязкая субстанция, что не замерзает даже при самых страшных морозах.

Скхарновые болота — единственные места в Ледяном Царстве, где водится кое-какая жизнь. В этой зловонной грязи растут фантастических расцветок лишайники и струятся щупальца снежных актиний. Здесь можно чуть-чуть согреться и найти хотя бы немного пищи.

Но до болота еще очень далеко. Ковылявший по снегу маленький шоггот знал это лучше всех — ведь он ходил туда уже сотни раз. Доставлял послания, приказы... а иногда провожал посетителей.

В отличие от сородичей, он выглядел почти совсем человеком. Да, одна из его трех ног искривлена и оканчивается копы-

том, из груди торчит свиное рыло, руки покрыты шерстью, а в левой глазнице извивается крысиный хвост... но в остальном... почти совсем человек.

Если смотреть со спины, так и вовсе не отличишь.

Сто Сорок Девятый — так его звали. Это имя дал ему Отец-Создатель, извлекая из Смесителя. Сто Сорок Девятый до сих пор помнил тот день и первые впечатления от нового существования. Помнил, в каком восторге был, услышав свое имя.

Честно говоря, полностью его имя звучит как Отходы Сто Сорок Девятой Партии, но первая и последняя части со временем как-то редуцировались.

Иногда, убедившись вначале, что на него никто не смотрит, Сто Сорок Девятый позволял себе помечтать о том, как однажды станет Тварью. Даже самые безмозглые шогготы мечтают об этом. Твари Кадафа, высшие Надзиратели Лэнга, обладают великим сокровищем — бессмертной демонической душой. Она образуется из сплава обычных душ, создавая хоть и не совсем нормальное, слоющееся, но вполне целостное сознание.

Шогготы же — не демоны. У них по-прежнему множество душ — слабых, смертных и не очень-то дружащих между собой. Это почти всегда приводит к тяжелому психическому расстройству.

У типичного шоггота нет имени, нет воли и даже с самосознанием проблемы, но Сто Сорок Девятый — нетипичный шоггот. У него всего лишь четыре души. Причем три из них принадлежали животным — крысе, козе и свинье. Единственная человеческая легко их подавила и уселась сверху. Точно возникший на колеснице, запряженной... крысой, козой и свиньей.

Так себе упряжка, но все лучше, чем у обычных шогготов.

Именно поэтому Сто Сорок Девятый не только мог выполнять приказы создателей, но и прекрасно понимал, кто он такой и что происходит вокруг. Ему не требовалось зеркало, чтобы осознавать свое существование. Будь он покрупнее, его бы скорее всего уничтожили, ибо осознающие себя шогготы опасны, но Сто Сорок Девятый родился таким маленьким и ничтожным, что создатели милостиво позволили ему жить.

В конце концов, такие слуги тоже иногда полезны.

Как обычно, Сто Сорок Девятый мерз до самых костей. Не так сильно, как мерз бы на его месте человек, но приятного мало. Шогготам, даже нетипичным, одежда не положена. Все

имуущество Сто Сорок Девятого — плетеные снегоступы да тяжелая ртутная палка, чтобы отгонять мелких зверодемонов.

Немного с нее проку на самом-то деле, но ничего другого у Сто Сорок Девятого нет.

— Далеко еще?! — раздался позади гневный рык.

— Уже почти, господин, уже почти пришли! — умоляюще взвизгнул Сто Сорок Девятый.

О, как он проклинал сейчас эту недоверчивость, эту болезненную подозрительность своих создателей! Отчего они не позволяют никому просто взять и прийти к себе? Отчего заставляют блуждать по этим ледяным полям, окутанным туманами ужаса?

Хотя их нетрудно понять. Они боятся. Боятся тех, кто сидит в Ониксовом Замке. Боятся архидемонов Лэнга.

Боятся того, кто сейчас топает за спиной Сто Сорок Девятого.

Шаб-Ниггурат. Черный Козел Лесов.

Полководца Лэнга несказанно злило, что его заставляют терять время. Злил этот долгий путь по глубокому снегу. Злил паршивый мелкий шоггот, которого ему дали в провожатые. Шаб-Ниггурат с удовольствием бы его сожрал, но тогда придется искать дорогу самому — а проклятые уроды, что правят Ледяным Царством, навели такую тьму мороков...

Даже архидемон не запросто сквозь них проберется.

Но гораздо сильнее Шаб-Ниггурата злил голод. Подобно своим дальним родичам, козам, он мог есть что угодно, когда угодно и в каких угодно количествах — но раньше это было чисто для удовольствия. Теперь же он жевал почти без перерыва, пожирал всех, кто попадался под руку, — и все равно не мог утолить грызущую чрево пытку.

Что толку в пище, если она почти сразу вываливается из брюха? Рана, которую Шаб-Ниггурат получил от белого шерстяного комка, не желала исцеляться и причиняла невыносимые муки.

Ему было трудно даже идти самостоятельно. Шаб-Ниггурат то и дело начинал крениться и вынужденно опирался на железное плечо ненавистного кумбхи. Именно Астрамарий Целебор Краш вывел Шаб-Ниггурата с поля боя, именно Астрамарий Целебор Краш спас его от попадания в посох смертного мага — но Шаб-Ниггурат не испытывал никакой благодарности. Его ненависть, пожалуй, даже усилилась — и он бы охотно раздавил эту ходячую железную банку, расплющил ударом кулака.

Вонь вокруг полководца Лэнга стояла невероятная. Его кишки наполовину сгнили, дыра в животе источала страшный

смерд, а из-под хвоста дул настоящий ветер. Вдохнув этого ветра, даже демоны падали замертво.

Именно поэтому Шаб-Ниггурат взял себе в свиту тех, кого скверным запахом не удивишь. Маскимов. Из-за ужасной убыли войск всех этих дерьмоедов передали в распоряжение Шаб-Ниггурата — и он уж распорядился! Уныние не сходило с их поганых рож — маскимы прекрасно понимали, что новый повелитель бросит их в самое пекло.

Если они вообще доживут до этого. Когда голодные муки особенно терзали Шаб-Ниггурата, он молча разворачивался, хватал ближайшего маскима и проглатывал целиком, точно удав кролика.

Собственно, только ради этого он их с собой и прихватил.

Ах, как тосковали сейчас маскимы по Азаг-Тоту! Это ведь он их истинный господин — ему они служат, ему повинуются. Но вот уже очень давно Азаг-Тота все равно что нет — и если вначале отсутствие хозяина маскимов даже радовало, то потом, когда ими принялись затыкать все дыры...

— Далеко еще?! — в очередной раз взревел Шаб-Ниггурат, поживаясь на ветру.

Холода он не чувствовал, но метущая в лицо вьюга раздражала ужасно. Прекратить бы ее, унять, растопить проклятые льды одним ударом копыта, да нельзя, не позволено... В Ледяном Царстве он не властен, здесь его мощь ограничена.

Сто Сорок Девятый в страхе вздрогнул, слыша нарастающее сзади напряжение. Он старался не дышать и молился С'ньяку, чтобы путь поскорее закончился.

Только не вслух. А то, чего доброго, С'ньяк и правда услышит.

Но вот уже растаял последний морок, и Сто Сорок Девятый ступил в хлюпающую схарну. Палку он воткнул в снег — на болоте слишком тепло, она там расплавится. Создатели Сто Сорок Девятого так мнительны и осторожны, что даже ему, такому жалкому и ничтожному, опасаются доверять иное оружие, кроме сделанного из ртути.

Сопровождаемый Астрамарием, Шаб-Ниггурат прошел по липкой, вязкой дороге и остановился близ огромной мшистой кочки. Всю ее занимало массивное существо, похожее на жирную фиолетовую актинию. Из боков ее росли широкие «паруса», а нижняя часть оканчивалась пятью толстыми щупальцами. Вместо головы тварь имела нечто вроде желтой морской звез-

ды — ее лучи-трубочки медленно шевелились, глядя во все стороны.

Это и был один из многочисленных создателей Сто Сорок Девятого.

Поскольку Ктулху все еще спит, власть в Глубинном Царстве делят Дагон и Кутулу... делили до недавнего времени. В Мертвом Царстве безраздельно царствует Нергал. А вот в Ледяном Царстве верховного владыки нет. Здесь хозяйничают Старцы — поразительные разумные полурастения-полуживотные, последний осколок когда-то грандиозного народа, что покорял звезды и космос.

Они повинуются Йог-Сотхотху и чтят всемогущего С'ньяка. Но желания иных архидемонов им безразличны. И в другое время Шаб-Ниггурат ни за что бы не обратился к ним за помощью.

Но сейчас у него просто нет выбора. В войске осталось слишком мало боевого мяса. Куклусы сгнули вместе с Дагоном, уткуку передохли в Серой Земле. Их королевы старательно рожают новых, но сколько они там могут успеть...

А Шаб-Ниггурат торопился. Очень торопился. Не без труда, но Астрамарий убедил его, что Железный Маршал Хобокен не станет терять зря времени. Наверняка он уже сейчас готовит контрнаступление. Счет идет даже не на дни — на часы.

Конечно, в Лэнге осталось еще великое множество демонов. В том числе и ужасные в битве. Но они разрознены, рассеяны по бескрайним пустошам, подземельям и черным городам. Шаб-Ниггурат уже вострубил общий сбор, но он даже не надеялся быстро сколотить новый Легион Гнева. Солдат придется выскрести из всех уголков, страшать и улещивать, чтобы подчинялись Черному Козлу Лесов... многим демонам ведь начхать на его приказы!

Двурогих Шаб-Ниггурат тоже больше не рожал. Опасался. С гибелью Лаларту, Лалассу, Хастура и Гелала в такульту образовалось слишком много свободного места. Всякий детеныш архидемона теперь имеет шанс родиться новым архидемоном.

Шаб-Ниггурат до смерти боялся, что кто-нибудь из Двурогих таковым станет. Не так уж они преданы Шаб-Ниггурату, как тот всегда стремился показать. Они постоянно голодны, постоянно ищут, кого бы загрызть. Лишь страх перед суровым родителем держал их в узде.

А теперь, когда родитель так ослабел, от детей лучше держаться подальше. Убьют ведь. Убьют и съедят, как он сам когда-то убил и съел своего отца, Шег-Тэфнута. Тот точно так же полу-

чил ужасную рану в битве с кем-то из клеветов Мардука, стал слаб и уязвим... Ну и разве же Шаб-Ниггурат, тогда сильнейший среди Двурогих, мог упустить такой шанс?

Он его и не упустил.

А без Двурогих и адских духов, без утукку и будх... из кого сколачивать основной состав? Нормальные демоны — индивидуалисты, их очень сложно заставить шагать строем. Любимой тактикой Шаб-Ниггурата всегда была тактика лавины — а лавина должна из кого-то состоять. Шогготы подходят для этого идеально... хотя после победы их придется куда-то девать...

Но это уже будет проблема Старцев.

Однако переговоры с ними не обещают ничего приятного. Дипломатия никогда не была сильной стороной Шаб-Ниггурата. Обычно такими делами занимался бесхребетный урод Ньярлатхотеп или тихоня-шептун в желтой маске, но первый издох, а второй занят какими-то своими глупостями, вот и пришлось Черному Козлу Лесов лично брести в эту глухомань, унижаться перед Старцами...

Их собралось вокруг уже довольно много. Отовсюду выросли огромные кочки, что служат этим тварям сиденьями. Глаза на концах желтых трубок внимательно изучали козлоногого архидемона.

— Вы заставили меня прийти сюда пешком, — прорычал Шаб-Ниггурат, едва сдерживая бешенство. — Я сделал это. Теперь вы сделайте то, что должны.

— Должны?.. — раздался неслышный шепот. Он доносился одновременно отовсюду и ниоткуда. — Должны, мы?.. Что мы тебе должны, Шаб-Ниггурат?.. Мы Старцы!

— На этом ме-э-эсте мне следует восхищенно ахнуть? — язвительно проблеял Шаб-Ниггурат. — Вы просто бурдюки с вонючим жиром, которые слишком много о себе мня-а-ат!

— Бурдюки?.. — прошлестели голоса. — Мы Старцы! Величайшие и древнейшие! Когда-то мы летали меж звезд и правили мирами, мы истребили ми-го на Юготе и поработили Глубоководных. Это были славные времена, Шаб-Ниггурат, и воспоминания о них наполняют радостью наши разумы. Но мы допустили ошибку, связавшись с Древними и польстившись на их лживые речи. Это были ужасные времена, Шаб-Ниггурат, и воспоминания о них наполняют скорбью наши разумы. С'ньяк и его технологический коллапс погубил нас всех. Утянул нас во Тьму, в Бездну. Что мы теперь?.. Кто мы теперь?.. Теперь мы никто, и повинны в этом твои господа, Древние...

— У меня нет господ! Я сам господин над всеми!

— Не над нами, Шаб-Ниггурат. Не над нами. Мы не Древние, но мы Старшие. Мы не приказываем тебе, но и ты не приказываешь нам. Мы равны.

— Равны?! Вы?! Мне?! — едва не расхохотался Шаб-Ниггурат. — В чем это вы мне равны?!

— Во всем, — прошептали голоса. — Если нас уколоть — разве у нас не идет кровь?

— Не идет.

— Если нас пощекотать — разве мы не смеемся?

— Не смеетесь.

— Если нас отравить — разве мы не умираем?

— Такой отравы еще не придумали. К сожалению.

— А если нас оскорбляют — разве мы не должны мстить? Только поэтому мы и слушаем тебя до сих пор, ибо всему Лэнгу нанесено тяжкое оскорбление, а значит, и нам тоже нанесено тяжкое оскорбление...

— В моих испражнениях больше смысла, чем в вашем бормотании, — процедил Шаб-Ниггурат. — Сделайте мне армию шоготов — это все, что я от вас хочу.

— Да, это все, что ты хочешь, — согласились голоса. — Ты приходишь и говоришь: Старцы Ледяного Царства, мне нужны Смесители. Но ты не просишь с уважением, не предлагаешь дружбу, даже не думаешь обратиться к нам — Старшие. Нет, тебе просто нужен кто-то, кто будет убивать для тебя... Ты ищешь наших шоготов — но найдешь ли ты их?..

— Это я и хочу узнать! — начал терять терпение Шаб-Ниггурат. — Я говорю от имени Йог-Сотхотха, который говорит от имени Азаг-Тота, который говорит от имени С'ньяка! Вы должны исполнять мои приказы!

— Должны?.. Мы ничего тебе не должны. И мы не должны ничего Йог-Сотхотху. Кто он нам — твой Йог-Сотхотх? Да и кто он тебе самому?

— Йог-Сотхотх мне как отец, — пробурчал Шаб-Ниггурат.

— Но ты же убил своего отца.

— И съел! И вас всех я тоже съем, если вы прямо сейчас не ответите на простой вопрос — дадите ли вы мне армию?! Да или нет?! Да или нет?!!

Воцарилось молчание. Тяжелое, гнетущее молчание. Старцы беззвучно совещались, обратив друг к другу широкие паруса. Шаб-Ниггурат пристукивал копытом, ища, на ком сорвать злость. Маскимы благоразумно смешались с грязью.

Один только Астрамарий не участвовал в этой минутке взаимной ненависти. Король-Палач с интересом оглядывался по сторонам. Он уже побывал во многих краях Лэнга, повидал многие из его кошмарных чудес, но Ледяное Царство ему посещать не доводилось. Только из любопытства он и вызвался сопровождать Шаб-Ниггурата.

Хотя пока что... не впечатляет. Болото и болото. Грязь. Вокруг снег, пурга, мороз, а здесь... наверное, тоже мороз, но не такой сильный. Астрамарий уже не помнил, каково это вообще — когда тебе тепло или холодно.

Такое это стало для него умозрительное ощущение.

Сами легендарные Старцы Астрамария тоже не впечатлили. По меркам Лэнга — ничего выдающегося. Их не назовешь ни особо страшными, ни особо мерзкими. В Серой Земле встречается одно растение, которое вполне можно принять за Старца.

Дохлого.

И где они прячут свои хваленые Смесители? Ничего похожего Астрамарий вокруг не видел.

Оказалось — под землей. Договорившись наконец с Шаб-Ниггуратом, Старцы вместе со своими кочками уехали куда-то вниз, в бездонную черноту.

Вязкая грязь же хлынула в стороны, раскрывая бесконечную каменную лестницу с удивительно маленькими ступенями. Это была даже не лестница, а какой-то зубчатый пандус. Видимо, именно по такому удобнее всего ползать существам с щупальцами вместо ног.

Шаб-Ниггурат семенил ловко, точно горный козел, а вот Астрамарию приходилось тяжело. Его железные сапоги с трудом удерживались на такой поверхности, он каждую секунду рисковал поскользнуться и загреметь в пропасть.

Дорогу показывал все тот же грустный маленький шоггот. Он неуклюже ковылял впереди и вел рукой по стене, включая тусклые зеленоватые лампы. Света они почти не прибавляли — лишь заставляли тени колебаться и дрожать.

В этих катакомбах царило обычное для Лэнга запустение. Печальный упадок, руины древнего величия. Тысячелетия назад здесь явно было что-то грандиозное, но теперь над всем властвовала пыль, и лишь одинокие шогготы еще бродили по темным углам.

— Прошу сюда, — бесцветным голосом произнес Сто Сорок Девятый, указывая на узкий проход.

За ним открылся огромный зал в форме перевернутой чаши. Стены покрывали глубокие выемки, за которые цеплялись шупальцами Старцы. Здесь их было свыше двух дюжин — совершенно одинаковых, безликих, хранящих гробовое молчание.

А большую часть помещения занимал гигантский биомеханизм — один из легендарных Смесителей. Всемогушая машина, способная создавать новые формы жизни и до неузнаваемости менять уже существующие.

По крайней мере, когда-то она была на это способна. Древние знания утрачены, Старцы разучились создавать и программировать Смесители. Сейчас они умеют лишь управлять теми, что достались от предков, — но им доступна лишь малая толика былых возможностей.

Смесители создавались в надежде получить сверхсущество, идеальную форму жизни. На протяжении веков и тысячелетий Старцы искали способ создания Бога-из-Машины, абсолютно-го и всеблагого разума. Но раз за разом у них получались только кошмарнейшие чудовища...

Именно из Смесителя когда-то явился Ктулху. Последний триумф мертвых технологий.

После него Смесители порождали только шогготов...

Но именно шогготы Шаб-Ниггурату и нужны. Испуская в нетерпении ветры, он подступил ближе и уставился на бесформенное переплетение органов и тканей. Смеситель сам немного напоминал шоггота — громадного, лишённого кожи, лиц и конечностей. Он дышал, тяжело вздымаясь и вновь опускаясь, а где-то в недрах шумно колотилось сердце.

— Запускайте, — хрипло приказал Шаб-Ниггурат.

Сто Сорок Девятый тоскливо вздохнул. Он ненавидел этот процесс.

Вначале пришлось досыта накормить блок питания. Этот огромный зубастый агрегат питался всем подряд — от старых костей до гнилых тряпок. Ему было не важно — все переварится, все превратится в энергию для основного организма. Руки тоже следовало держать подальше.

Потом стали загружать материал. Рабов и зверодемонов.

В основном зверодемонов — лярв, маллахулов, уддугхулов, косунов, осьминогов Лэнга. Рабов было не так уж много — все излишки сожрали королевы утукку, а новых еще не народилось. Но шогготов можно производить из любого биологического ресурса — лишь бы он был хоть немного разбавлен разумными существами.

Иначе результат получится слишком уж безмозглый.

Старцы извлекли со складов наноплазм и чаны с протоматерией. Все запасы, сбереженные за последние века. Сама по себе протоматерия шоггота не образует, но поможет сделать его крупнее и сильнее.

Раскрылся портал, и прямо с равнин Инкванока в Смеситель погнали стадо йорг-йоргов. Сопровождавшие их Тощие Всадники Ночи неожиданно для себя отправились туда же — и зал наполнился их громкими, но недолгими протестами.

Смеситель все сильнее разогревался. Издавая мерный гудящий звук, он с огромной скоростью перерабатывал горы протоплазмы. Разбирал ее на кирпичики, на клетки и вновь собирал воедино, но уже в другом порядке.

И вскоре из блока рождения повалили первые шогготы. Стандартные, самые дешевые формы, которые Смеситель штампует по умолчанию. Уродливые мясные кули, похожие на морских ежей с руками, ногами и головами вместо игл. Они не ходили, а перекачивались, пытались схватить все подряд, тут же тянули в рты, оглашали воздух безумными воплями...

Говорят, когда-то шогготы были совсем другими. Лишенные воли и эмоций, они обладали разумом — острым и ясным разумом, делающим их блестящими слугами и солдатами. Словно механизмы из плоти и крови, они послушно исполняли всякий приказ Старцев. В те легендарные времена шогготы были не бесформенными комьями органов, а по-своему даже красивыми существами...

Но шогготы этого поколения... Сто Сорок Девятый предпочитал держаться от них подальше. Тупые, вечно голодные, с расщепленными личностями, они были жутко непредсказуемыми. Если шоггот в данный момент не выполняет конкретный приказ, он может выкинуть что угодно.

Один раз особо прожорливый сородич едва-едва не проглотил Сто Сорок Девятого. До этого он уже проглотил четырех мелких шогготов, и Сто Сорок Девятый лишь чудом не стал пятым. Именно таким путем на свет появляются Твари.

А особо прожорливые Твари изредка разрастаются до сверхгигантских размеров... и чаще всего растекаются после этого в озеро кровянистой слизи. Но если все же не растекаются, если остаются устойчивыми и неким путем получают долю в такульту, на свет может появиться Ползучий Хаос вроде Абхота или Ньярлатхотепа.

Страшно представить, какая бездна душ и личностей сплавлена в таком архидемоне.

Шогготы вылезали по два, по три в минуту. Но Шаб-Ниггурату и это казалось слишком медленным. Он топал копытом и гневно блял:

— Быстрее, быстрее, пожри Червь ваши души!!! Я тороплюсь, я ужасно тороплюсь!!!

— Мы уже начали расконсервацию остальных Смесителей, — услышался шепот Старцев. — Всего у нас их десять в рабочем состоянии, и каждый при полной нагрузке может выдавать три-четыре тысячи шогготов за эондр. Хватит ли тебе этого?

— Не хватит. Совсем не хватит. Это лучше, чем ничего, но надо быстрее. Надо еще быстрее.

— Быстрее невозможно.

— Надо быстрее!!! — проревел Шаб-Ниггурат.

— Ответь, отчего ты так торопишься? Куда ты так торопишься? Что ты сделаешь с войском, которое мы даем тебе?

— Как это что?! Я... я... я буду убивать!

— Мы поняли это, — прошептали Старцы. — Мы знали это. Это нужно. Это надо сделать. Но отчего ты так рьян в этом? Отчего так любишь убивать смертных?

— Ну... — задумался Шаб-Ниггурат. — Я... э-э-э... Знаете, когда сдавливаешь им черепа... ме-э-э... они так смешно хрустят... хе-хе... ме-э... хе-хе...

— И это единственная твоя причина?

— А что, мало? Мне хватает.

Настроение Черного Козла Лесов чуточку повысилось. Но тут же снова упало. Ему не терпелось закончить здесь и вернуться в Кадаф, наорать на земляного червя, который по какому-то недоразумению считается там главным. Это же надо было настолько бездарно руководить, чтобы просрать все, буквально все! Смертные стоят на пороге, вот-вот пойдут маршем по Инкваноку, а Йог-Сотхотх лежит себе на боку!

Почему, почему всем в этом мире должен заниматься Шаб-Ниггурат?! Он же ранен, ему сейчас лечиться нужно, отдыхать!

Когда он наконец вернулся на поверхность, аркалы уже галтьернились, а вокруг стало заметно больше шогготов. Зато маскимов изрядно поубавилось — то ли они воспользовались случаем и разбежались, то ли Старцы отправили и их в Смеситель.

В общем-то Шаб-Ниггурату не было дела до их судьбы. Просто его опять мучил голод, а маскимы оказались неожиданно

вкусными. Даже странно, если вспомнить, чем питаются они сами.

Мучимый голодом, Шаб-Ниггурат прищелкнул когтистыми пальцами и достал из воздуха огромный кусок мяса. Свинина. Жадное чавканье и хруст раздалось над болотом, но удовлетворения в них не слышалось.

Обычное мясо — это совсем не так вкусно, как живое и дышащее. Оно ведь не испытывает страха, отчаяния, ненависти — лучших приправ для любой еды. И нету самой лакомой и аппетитной части — души. Без нее пища становится... просто пищей. Набором химических элементов, годных лишь для утоления телесного голода.

Но даже архидемон не может сотворить настоящую жизнь одним лишь усилением воли.

— Абхот, ты здесь? — процедил Шаб-Ниггурат.

Откуда-то из-под его копыт донеслось хлопанье и бульканье. Липкая холодная схарна слегка вспучилась, и в ней раскрылся глаз... второй... третий... а потом сразу тысяча! Земля словно превратилась в звездное небо — ибо Абхот глядит на мир всем своим телом.

А тело его громадно.

— Поручаю это тебе, смрадная плесень, — хмуро приказал Шаб-Ниггурат. — Присмотри здесь за всем. Когда шогготов наберется достаточно — возглавишь их и поведешь. Понял?

— Ссссс... — раздалось в ответ. — Шшшшшш...

Абхот. Шаб-Ниггурат всегда его презирал. Слабак слабаком — этакая живая лужа, расплющенная версия Ньярлатхотепа. Но он все-таки архидемон, так что пусть не отлынивает, пусть защищает родной мир.

Защищает так, как это делает сам Шаб-Ниггурат. Черный Козел Лесов оглядел уже исчислившихся сотнями шогготов, бросил злой взгляд на Астрамария и выкрикнул, потрясая кулаком:

— Мы не уйдем молча! Мы не сдадимся без боя! Мы будем жить! Мы выживем!

ГЛАВА 2

Колдуны и паладины смотрелись чужеродным элементом на мостике супердредноута «Алкуса Рейко». Везде металл и бронепласт, сложные приборы с мерцающими экранами — и среди этого рыцари в серебристых доспехах и чародеи в разноцветных

плащах. Они и сами чувствовали, что плохо вписываются, поэтому теснились вдоль стен, не горя желанием занять места в креслах.

Обо всей этой чепухе не беспокоился только их предводитель. Облаченный в серый плащ высокий мужчина с серыми глазами, смуглым лицом и длинными черными волосами, затаенными в хвост.

Креол Разрушитель.

Архимаг из Древнего Шумера вообще редко обращал внимание на такую мелочь, как обстановка и окружающие люди. Его руки были скрещены на груди, а глаза сосредоточены на одной точке. Креол смотрел на распахнувшийся впереди портал.

Уже через несколько секунд тот остался позади. Небесная синева Рари сменилась беззвездным черным пологом. Вдалеке мерцали алые луны-близнецы, а вокруг простиралась бесплодная каменистая равнина.

Долина Инкванок.

— Ну вот я и здесь... — чуть слышно пробормотал маг.

Первое, что сделал Креол в Лэнге — проверил противодемонические печати на «Алкуса Рейко». Супердредноут — его главное оружие, так что печатей Креол на него навешал больше, чем в свое время на Шахшанор. Иначе какой-нибудь Дух Пространств мог бы скомкать его одним прикосновением...

Это был бы на редкость бесславный конец кампании.

Когда Креол планировал все это в Древнем Шумере, то очень смутно представлял подробности. Конечно, он понимал, что обычная армия смертных недолго продержится против демонов. Чем были вооружены шумерские воины, как они сражались? Бронзовые и медные мечи, луки и пращи, запряженные онаграми колесницы... Фаланга из тяжелых бойцов, легкие летучие отряды и лугали в заостренных шлемах...

Легион Гнева стоптал бы это войско, едва заметив.

Нет, Креолу виделось что-то такое... такое... ну примерно как у Мардука. Двадцатитысячное войско из элитных копейщиков и щитоносцев... все оружие и броня зачарованные, разумеется. Пятьдесят величайших магов планеты — боевиков, целителей, демонологов. Големы. Джинны. И он сам на летучей колеснице... или на драконе... хотя нет, лучше на птице Анзуд.

Креолу всегда хотелось полетать на птице Анзуд.

Постепенно планы корректировались в соответствии с реальностью. Воплотить все в точности не удалось, как не удалось и

снабдить всех солдат магическим снаряжением, но все равно получилось очень неплохо.

К тому же собранное Креолом войско оказалось даже внушительнее, чем он когда-то себе представлял.

Двадцать тысяч солдат?.. У него их двести тысяч. Их копья безо всяких чар мечут всеразрушающее пламя, а щиты состоят из волшебного света.

Пятьдесят магов?.. У него их пятьдесят сотен. Их кожа пепельно-серая, и они облачены в дурацкие цветные плащи, но в остальном это отличные маги. Правда, по-настоящему великих среди них всего несколько, но количество тоже немаловажно.

Големы?.. У него есть големы. Точнее, автоматы, но разница несущественна.

Джинны?.. Вон они, парят на огненных колесницах. Элитные боевые ифриты, Правое Крыло Огня.

И это не говоря уже о летающем флоте, железных машинах, воинах-жрецах Инанны и множестве других родов войск.

Вот разве что птицу Анзуд достать так и не удалось. В прошлом году Креол сделал одну вялую попытку, но с наскоку ничего не вышло, и он махнул рукой. Исполинская машина плотцев ничуть не хуже птицы Анзуд... и даже дракона Мушхуша, на котором летал Мардук.

Да что там не хуже — она лучше! Гораздо лучше! Разве на птице Анзуд или драконе Мушхуше поместился бы Крест Стихий? Разве поднял бы кто из них целую гору оружия, припасов и снаряжения? Дракон Мушхуш был огромен, воистину огромен, но в сравнении с громадой «Алкуса Рейко» — просто чешуйчатая козявка.

Жаль, что рядом нет Шамшуддина. Креол очень надеялся, что в решающий момент тот будет стоять по правую руку.

Когда-то он надеялся, что рядом встанут и другие товарищи по Гильдии — Хе-Кель, Хиоро, Мей'Кнони... но что поделаешь, не судьба. Ему не удалось повторить путь Мардука, что привел в Лэнг пятьдесят верных друзей, каждый из которых был великим магом.

Зато Креол повторил путь Мардука, сковав Крест Стихий. Повторил, создав сверхмощный артефакт-поглотитель, способный лишать сил демонов и Темных богов. Повторил, вооружившись алмазным оружием.

Правда, у Мардука артефакт и оружие были разделены. Лук, заключивший в себе душу военачальника Кингу. И алмазная секира, грозный двуглавый топор. Креол тоже вначале плани-

ровал что-то подобное — выкованное еще на Каабаре алмазное копье и... некий иной артефакт. Креол так и не успел решить, как он должен выглядеть. Не успел решить, как создать предмет, способный вместить душу архидемона и сотворить Длань Мардука.

А после того, как большая часть алмаза погибла в туше умирающего Саккакха, Креол понял, что планы придется корректировать. Он ведь тогда не имел понятия, что алмаз разрушается в гибнущем боге. Не имел понятия, что даже этот абсолютный металл имеет свои пределы.

Правда, именно в тот момент у него и появилась идея, от которой он в итоге только выиграл. Идея посоха черного обсидиана, сверхмощного артефакта, объединяющего Поглотитель и пырялку.

Два в одном. Гораздо удобнее.

В отличие от Креола, бывавшего в Лэнге уже неоднократно, войско испытывало явную нервозность. Их готовили к этому миру, подробно его описывали, показывали слайды и даже целые учебные фильмы, но реальность все равно многих ошарашила. Настолько все здесь было пропитано страхом, тоской, безысходностью. Мертвая каменная пустошь и клокающая вокруг Тьма. В земле и воздухе словно разлита сама смерть.

Никакие рассказы не могут достаточно к такому подготовить.

Наименее шокированы оказались планетцы. В небесах их мира светило солнце, но его земли были почти так же пусты и бесплодны, как здесь. Отравившая почву и воду сконь вполне приучила их к выживанию в жесточайших условиях. Так что теперь они оправились быстрее всех.

— Надеюсь, тут есть уголь, шеф? — хмыкнул Моргнеуморос, глядя на монитор. — А то грохнемся посреди пустыни...

Этот мутант с асимметричным лицом восседал в одном из пилотских кресел. У него не было опыта вождения супердредноута, но этого опыта не было ни у кого — до «Алкуса Рейко» существовал лишь один экземпляр, и он погиб больше века назад со всем экипажем. Профессору Лакласторосу очень повезло, что главнокомандующий отказался тогда взять его на борт.

Но теперь профессор сам входил в состав генерального штаба, носил серый плащ и лично управлял супердредноутом. И в свой экипаж он набрал как самых лучших пилотов, так и самых бывалых офицеров — в том числе генерал-майора Дзе Моргнеумороса.

— Уголь?.. — недоуменно моргнул Креол. — Какой еще уголь, зачем?..

— Реактор «Алкуса Рейко» работает на углеводородах, — пояснил Лакласторос. — Обычно м-мы используем каменный уголь.

— А что же вы меня не предупредили?! — взвился Креол. — Где я вам здесь достану уголь, из воздуха сотворю?! Хотя это мысль... Позвать сюда материализаторов!

— О, не в-волнуйтесь, полков... генерал-майор просто пошутил, — поспешил успокоить мага Лакласторос. — Это же атомный котел холодного синтеза, а не дровяная печка. До Судного Часа у нас в-езде такие использовались. Чтобы работать м-месяц, супердредноуту достаточно куска угля размером с кулак. А м-мы з-захватили целый ящик. Лет на сто хватит.

— А-а... Тогда ладно.

— А если с ним даже что-нибудь в-вдруг случится... ну... м-мы просто бросим в-в реактор какого-нибудь демона, — с кровожадным блеском в глазах предложил Лакласторос. — Они же углеводородные, в-верно? Они должны быть углеводородными, раз м-могут питаться людьми.

— Понятия не имею, — пожал плечами Креол. — Впрочем, мне наплевать, решайте эти вопросы сами.

Креолу действительно было не до всяких мелочей. Он напряженно всматривался в пространство, пытаясь сориентироваться. Понять, где он вообще находится.

Удалось ему это далеко не сразу.

В последний раз Креол покидал Лэнг из пещеры Мей'Кюни. Туда же Камень Врат должен был привести и в этот раз — к скале Рзиаль, что лежит в трех часах ходьбы от Кадафа, на самом краю долины Инкванок. Однако с тех пор минуло четыре года, пространственные координаты миров сместились по отношению друг к другу, и выход оказался совершенно в ином месте.

Или, возможно, сказалось то, что в прошлый раз он перемещался на Землю, а в этот раз явился со стороны Рари.

Двенадцатимерная топография вообще очень заковыристая наука.

Как бы там ни было, Креола это неприятно удивило — он-то рассчитывал сразу рвануть к Кадафу, одним мгновенным броском. Любимый маневр маршала Хобокена — ошеломить, обрушиться как снег на голову и одержать победу, пока враг толком не пришел в себя.

Теперь же придется совершать довольно долгий переход. Креол не так уж хорошо был знаком с географией Лэнга, но, судя по расположению аркалов, Кадаф находится на севере. Очень далеко на севере.

А здесь... здесь крайний юг, с уклоном к востоку. Совсем рядом должно начинаться Мертвое Царство, где сидит Нергал.

На миг Креол даже задумался — не переиграть ли высадку? Вернуться на Рари, передать Камень Врат кому-нибудь из приспешников — Асанте или Руорку — и открыть портал заново, в другое место?

Но их вначале придется научить им пользоваться — серые колдуны такой магией не владеют. А это значит потерять сутки, а то и двое. Дать Лэнгу лишнее время на подготовку. Утратить эффект неожиданности.

К тому же у Креола почему-то переворачивалось все внутри при мысли о том, чтобы передать Камень Врат в чужие руки. Он даже Шамшуддину доверял его с большой неохотой и ненадолго — а ведь то был побратим!

Сложное решение, до чего же сложное...

— Ладно, будем работать с тем, что имеем, — в конце концов процедил маг. — Лугаль, готовь оборону! Очень скоро у нас будут гости...

— Ну, в ближайшие часы, будем думать, все ж не явятся, — степенно возразил Хобокен. — Хоть сколько-то времени да пройдет — покуда вызнают, где мы сели, покуда войска перебросят...

И тут в небе сгустилась кроваво-красная туча. Быстрее молнии она грянула оземь и обратилась козломордым демоном в черной накидке. В алом свете лун-близнецов Шаб-Ниггурат отбрасывал такую длинную тень, что она ушла за горизонт. Медленно подняв голову, архидемон смерил супердредноут тяжелым взглядом — таким тяжелым, что металл начал прогибаться внутрь.

— Я ждал вас!!! — разнеслось над пустошью яростное блянье. — Я ждал вас, смертные!!!

— Ну, один в поле не воин... — начал было Хобокен.

Словно отвечая ему, Шаб-Ниггурат взмахнул когтистой дланью. И вокруг него раскрылись черные трещины. Все войско, вся огромная армия Серой Земли оказалась в кольце вспышек. Они оставили после себя целые полчища разнообразных, непредставимо кошмарных чудовищ.

Сотни тысяч демонов появились прямо из воздуха — и были они несказанно злы.

Креол криво усмехнулся, глядя на сконфуженного Хобокена. Архимаг, разумеется, предполагал что-то в этом роде. Здесь безраздельно правит Йог-Сотхотх — Хранитель Врат Бездны, что как никто другой властен над пространством. Не позаботься Креол о мощнейшей антипортальной защите, демон-червь просто свернул бы его войско в точку или вышвырнул куда-нибудь во Тьму.

Но увы, Креол не может помешать Йог-Сотхотху перемещать свои собственные войска. Вероятно, Шаб-Ниггурат с его новым Легионом Гнева уже довольно давно ждал где-то в нетерпении, не зная, откуда явится захватчик. И как только Йог-Сотхотх услышал перемещение, как только раскрылись врата между мирами...

— Внезапность, быстрота, натиск... — вздохнул Хобокен, махнув досадливо крюком. — Я-то, прости Единый, себя споровистым считал, но куда уж мне до такого... Посрамили старика, эх...

Вздохнув еще раз, он коснулся серебряной пуговицы на виске и принялся со всей поспешностью сочинять оборону. Целые роты и полки переставлял он, точно шахматные фигурки. Блестяще выученные, прошедшие огонь и воду, они исполняли команды с полуслова, едва ли не раньше, чем успевали услышать.

Вот уже армия Серой Земли ошетибилась всеми стволами. Бронепехота вскинула тяжелые плазмометы. Паладины выставили копья со световыми «шлейфами». Колдуны подняли защитные экраны. А демоны все мялись, отнюдь не спеша набрасываться всей гурьбой. Слишком уж грозную силу собрали ненавистные смертные. Первую волну почти наверняка сметут без остатка...

Кому же захочется быть в этой первой волне?

Шаб-Ниггурат бешено скрежетал зубами. Его выводило из себя, что земляной червяк остался в Кадафе. Проклятый клубок бесполезности, только и умеет, что корчить из себя важную фигуру!

Ничего, не вечно ему восседать на ониковом троне! Победив потерявших страх смертных, Шаб-Ниггурат поставит вопрос ребром — кто более достоин править Лэнгом?!

И уж в этот раз Йог-Сотхотх не уйдет от ответа!

Но вначале нужно все-таки разгромить смертных. И это что-то не кажется такой уж легкой задачей. Шаб-Ниггурат зло фыркнул и вспахал землю копытом, оглядывая ту бесчисленную толпу швали, что предлагалось считать защитниками Лэнга.

Сразу видно, что новый Легион Гнева собирался наспех. Алуа, Тошие Всадники Ночи, Дикие Псы, Волки, Бледные Призраки, маскимы, немного Тварей, сколько-то дьяволиц. Были и совсем малочисленные демоны, названий которых не знал даже Креол. Одни отдаленно напоминали свиней, другие — крыс, третьи — слонов...

Не войско — ополчение.

Тошие Всадники Ночи ударили в барабаны. Пронзительно завизжали флейты. Тягучий гул поплыл над пустошью — монотонный, тоскливый, лишаящий сил и воли к сопротивлению. Пусть смертные слушают, пусть знают! Орда демонов явилась пограть их тела и души — и она их пожрет.

Шаб-Ниггурат глумливо мемекнул. Все же его Легион Гнева достаточно силен. Конечно, потери будут огромными, но да и Червь с ними. Черный Козел Лесов никогда не считался с потерями. Пусть издохнет половина, пусть издохнут три четверти — лишь бы человеческая погань вернулась туда, где ей место!

В рабские загоны и желудки демонов.

— Выходи, колдун!!! — проревел Шаб-Ниггурат. Пожалуй, его сейчас услышали даже в Иреме. — Выходи, чтобы я мог лично убить тебя!!!

— Я не к... — по старой привычке начал было Креол, но тут же замолчал и растянул губы в улыбке. — Выйти, говоришь? Сейчас выйду, сейчас... Раб и вы двое, за мной! И прихватите вон ту штуку!

Усатые эйнхерии послушно подняли загадочный железный ящик и потащили его за магом. Даже вдвоем несли они его с трудом — а ведь эйнхерий вдесятеро сильнее человека! Хубаксис помогать им даже не думал — он считал ниже своего достоинства делать что-либо для кого-либо, кроме хозяина или его домоладцев.

В конце концов, он джинн! Обычные смертные — прах под его ногами!

Держась на расстоянии от антимagicеских татуировок, Креол вышел на обзорную палубу супердредноута. Здесь уже не требовались мониторы, чтобы обозревать окрестности, — все и так было как на ладони. Двухсоттысячное войско самого Креола — и широкое кольцо демонов.

Навскидку их было вдвое, если не втрое больше.

— Хозяин, их слишком много! — тоскливо завыл Хубаксис. — Их слишком много!

— У тебя открыт рот, а из него исходят какие-то звуки, — процедил Креол. — Этого не должно происходить.

— Я не понимаю тебя, хозяин...

— Молчать, раб!

Это Хубаксис понял.

— Ну что ж, вот он я, вышел, — произнес Креол. — Иди сюда и убей меня, плешивый козел... если осмелишься.

Повысить голос маг не потрудился. До земли слишком далеко — никто не услышит, даже если он будет орать. Можно воспользоваться динамиками супердредноута, но... много чести для Шаб-Ниггурата.

К тому же у Креола имелись дела поважнее. Он взмахом руки отогнал эйнхериев и склонился над железным ящиком. На лице мага заиграла злорадная ухмылка.

— Хозяин!.. — возопил Хубаксис.

Креол сиганул в сторону раньше, чем джинн закончил слово. Защитный амулет обжег кожу до волдырей. А туда, где маг только что стоял, обрушилась громадная туша.

По палубе — сверхпрочной, отлитой из лучшего бронепластика! — пробежала трещина. Креола окатило страшным, чудовищным давлением. Волосы ощутимо попытались встать дыбом — так силен был холодный ужас, способный парализовать, а то и убить на месте обычного человека.

Демон. И не какой-нибудь там Надзиратель — эти не смогли бы даже приблизиться к «Алкуса Рейко». Архидемон. Судя по ауре — из слабейших, но все же архидемон.

Причем явно женского пола. Вчетверо выше человека, покрыта мелкой шерстью вперемешку с перьями, за спиной огромные крылья, на лице пылающие глазищи и отвислые щеки — но судя по груди и паху... да, женщина.

— Ты что еще за создание? — настороженно спросил Креол, беря наперевес посох.

— Я Ти-Со, маг! — пробасило чудовище. — Я дочь Пазузу и Хитры!

— Ясно... И ты ведь архидемон, верно?.. Не помню тебя в списке...

— Я стала архидемоном всего шесть дней назад! — торжествующе рявкнула Ти-Со. — Сам Йог-Сотхотх даровал мне...

— Длань Мардука, — перебил ее Креол.

Дочь Пазузу словно поперхнулась. Ее жуткая рожа перекосилась, в глазах застыло недоумение.

Внешне Ти-Со несколько не изменилась. Но ее аура... ее аура будто скукожилась, стала скромной и неяркой. Такой, какой она была всего неделю назад — не особенно примечательная демоница из средних Господ. Сильная, крепкая, но не более того. Уровень Двурогого или генерала легионов.

А таких Креол давил, как кот мышей.

Ти-Со тоже это поняла. Раньше, чем Креол успел оглушить ее цепями, она с криком ринулась вверх. Крылья распахнулись с такой силой, что на палубу посыпались перья.

Длань Мардука — заклятие непродолжительное. Срок его действия исчисляется минутами. Но конкретное время зависит от того, насколько «активный» демон сильнее или слабее «пассивного». В посохе Креола сейчас сидели сразу двое «активных» — Ньярлатхотеп и Дагон. Вдвоем они превосходили юную Ти-Со раз этак в двадцать — и Длань Мардука получилась весьма длительная. По меньшей мере полчаса дочь Пазузу будет слаба и незащитна... если так можно сказать про демона, конечно.

Но Креол не собирался ждать полчаса. Он быстро прикинул скорость Ти-Со, обвел сожалеющим взглядом бурлящее море демонов, взвесил на руке посох и произнес несколько слов в планетский переговорный артефакт.

Через несколько секунд «Алкуса Рейко» извергла обжигающе-морозный луч. Он рассек чернильно-черные небеса Лэнга и накрыл отчаянно машущую крылами Ти-Со. Та закричала, забилась в агонии... и осыпалась кучей грязного пепла.

— Неофиты... — презрительно фыркнул Креол. — Гонор есть, сила есть, а пользоваться еще толком не умеют...

Жаль, что не вышло посадить эту уродину в посох. А с другой стороны — оно и к лучшему. Это обычных демонов посох Креола может вместить тысячи, если не десятки тысяч — а вот с архидемонами лучше не перебарщивать. Тем более что там сейчас Дагон, который не подходит по формату, а потому занимает чересчур много места.

Если слишком пожадничать, может не влезть куда более важная добыча, вроде Йог-Сотхотха...

Вот если б это был сам Пазузу... он бы Креолу совсем не помешал. А всего лишь его дочь... да у Пазузу их наверняка целые мешки.

Демоны ведь бессмертны. А архидемоны особенно бессмертны. И плодятся они легко, быстро и с удовольствием. Демониче-

ское семя — самое живучее, прорастает где угодно. А учитывая, сколько тысячелетий уже Пазузу коптит небо, странно было бы, если б он не обзавелся целой ордой потомков. Вероятно, у него уже есть прапрапрапрапрапра... и еще сто раз правнуки.

Демоны давно бы уже сидели друг у друга на головах, если бы не убивали друг друга так усердно. Любой из них без угрызений совести пришибет хоть собственную родительницу, хоть детеныша.

Да еще и сожрет потом.

Уничтожив Ти-Со, супердредноут еще несколько раз шарханул всесжигающим лучом. Попадавшие в него демоны осыпались пеплом мгновенно, не успевая даже вскрикнуть.

Крест Стихий — воистину страшное оружие. Он испускает сверхмощный поток одной из первостихий — Света либо Тьмы. Концентрированный, сгущенный, разящий все на своем пути.

Само собой, палить по демонам Тьмой — пустой расход энергии. А вот обдать их хорошей дозой Света...

Но слишком увлекаться нельзя. На малой мощности Крест Стихий отлично вычищает Надзирателей и даже Господ, но архидемону такое нипочем, если предварительно не ослабить его Дланью Мардука. Выстрелить же со стопроцентной мощностью Крест Стихий сможет всего один раз — а потом... честно говоря, Креол не был уверен, что произойдет потом. Возможно, потом он просто рассыплется. Но даже если нет — энергия в любом случае иссякнет.

Хотя слабому архидемону может хватить и половинной мощности... Шаб-Ниггурат сейчас очень слаб. Но если потерять половину энергии... оставшейся хватит только на такого же слабосилка. Пазузу, например, или Кутулу. И когда настанет время взглянуть в лицо С'ньяку, Креол очень пожалеет, что так бездарно профукал свое сильнейшее средство.

И в любом случае Крест Стихий — слишком тяжелое оружие, чтобы долбить им несметную орду мелких демонов. Мошкару надо атаковать не секирой, а отравой... и у Креола как раз есть кое-что подходящее!

Известно, что самый надежный способ ослабить демона — заманить его куда-нибудь, где много Света. В священное место, в хорошо намоленный храм, а лучше всего — в Светлый мир. Конечно, они там не гибнут, но самочувствие у них заметно ухудшается, и справиться с ними становится куда проще.

Увы, демоны об этом тоже прекрасно знают и легко в такие места не заманиваются. Но если нельзя привести демонов к Свету... можно привести Свет к демонам!

Маг раскрыл железный ящик, от которого его отвлекла Ти-Со, выдвинул цилиндрический предмет и торопливо забормотал заклинание:

Пусть большой дождь льет потоком.
А маленький дождь — капля за каплей.
О Свет, стань Тьмой!
О Тьма, стань Светом!
О боги городов, о боги всей земли!
Сжальтесь над нами!
Мардук, Энлиль, Шамаш, Инанна!
В дар принесу вам ладан и мирру,
Золота слитки и скотины бесчисленно!
Нет Тьмы, нет Света!
Нет Света, нет Тьмы!
Одно в другом, и оба едины!

Закончив свой речитатив, Креол резко щелкнул тумблером. И железный ящик, который был переносной ракетной установкой АТР-902 «Крошка», выплюнул ревущий остроносый стержень.

Эти ракеты стали идеальным решением для его заклинания. Чтобы доставить его к цели лично, нужно почти вплотную приблизиться к целому космосу из Тьмы. Рискованно даже для мага уровня Креола. Запустить же на чем-то материальном... что способно достичь края небес?

Оказалось, есть кое-что.

Сама по себе ракета ИМ-1 была не слишком разрушительной. Плонетцы уже однажды пытались использовать против демонов протоядерное оружие — и в результате погубили собственную планету. Поэтому Креолу они сделали скорее дальнюю шутиху, чем серьезное оружие.

Впрочем, многого от нее не требовалось. Ее задачей ведь было поразить не противника, не конкретную цель, а чистое небо. Просто вылететь за пределы атмосферы — и принести с собой заклинание.

Креолу далеко не сразу удалось приспособить свою магию к высоким технологиям. Целый месяц маг ковырялся с плонетской установкой — прикидывал то так, то эдак... В какой-то мо-

мент он даже отчаялся и решил вернуться к изначальному варианту — создать специальный летающий артефакт.

Но именно после этого решения все вдруг и пошло как по маслу. Чары успешно наложились и буквально срослись, сроднились с оружием погибшего мира. Они идеально подошли друг к другу.

Свет Зари — собственное изобретение Креола. Его Шедевр, за который он когда-то получил мастера. Именно с помощью Света Зари он превращал Души Тьмы в Души Света — задача, которую ни один другой маг не смог выполнить.

Почему у других это не получается, Креол так и не понял. Наверное, это как с шевелением ушами — никакого секрета, сущая ерунда, но попробуй-ка научить кого-нибудь другого!

Заколдованная ракета уносилась все выше и выше. Креол жадно сверлил ее взглядом, мысленно отсчитывая секунды. Ему еще не доводилось испытать свое коронное заклинание в максимальном формате, и он был в ужасном нетерпении.

Увы, Свет Зари почти бесполезен в обычных мирах. Для работы ему требуется большое количество какой-нибудь из первостихий в свободном состоянии. Только в этом случае он раскрывается во всей красе, демонстрирует всю свою невероятную мощь.

И сейчас он ее продемонстрировал.

В небесах полыхнула радуга. Полярное сияние. Во все стороны хлынули разноцветные вспышки — точно кто-то запустил сразу миллион фейерверков. И одновременно с этим раздался истошный многоголосый ор — то армия Шаб-Нигурата вопила от резкой, пронзившей головы боли.

«Космос» Лэнга состоит из разреженной Тьмы. Сейчас огромное ее количество обратилось в Свет — и это вызвало эффект, похожий на вспышку сверхновой. Следующие несколько дней небеса Лэнга будут пылать блестящими ураганами, пока новообразованный Свет и окружающая его Тьма не взаимоничтожатся.

И все это время, каждую его секунду демоны будут чувствовать себя как при тяжелом похмелье.

А вот люди... людям это безразлично. Человеческая душа и так являет собой смесь противоборствующих Тьмы и Света. Во всей армии Серой Земли завыл от боли только демоволк — да и тот вполсилы, поскольку собран был из полудемонов.

Но главным было не это. Лишить демонов связи, заставить их страдать от мигрени — уже само по себе очень полезно, но куда важнее...

Куда важнее то, что вместе с зарей в Лэнг явился кое-кто еще. В потоке чистого света, сияющая ярче утренней звезды, на мертвую пустошь ступила божественно прекрасная дева.

И над пустошью воцарилась тишина.

— А вы думали, что у меня нет козыря в рукаве? — растянул губы в улыбке Креол. — Я вас научу правильно финики собирать!

ГЛАВА 3

Как описать богиню красоты и любви, где найти подходящие слова? Она потрясала и восхищала. Каждому виделась воплощением самого прекрасного, что только можно себе представить, и еще немного сверх того.

Там, где ступала Инанна, сквозь горелую почву пробивалась свежая трава, а в воздухе разливалось несказанное благоухание. Богиня лучезарно улыбалась ордам демонов — и те зачарованно на нее тарасились. Алуа, маскимы, Твари, Бледные Призраки, Волки, Дикие Псы, Тошие Всадники Ночи — все эти воплощенные кошмары не могли оторвать глаз от явившегося к ним чистого идеала.

На какой-то миг ее божественная аура захлестнула даже Шаб-Ниггурата — тот замер, пытаясь совладать с незнакомым ощущением. Что-то внутри него вдруг встрепенулось, потеплело... но тут же снова опало, как не было.

А взамен пришло бешенство, в котором Шаб-Ниггурат пребывал почти постоянно.

Довольный собой, Креол спустился на мостик «Алкуса Рейко», к ожидающим его штабным. Инанна была уже там — богиня переместилась в пространстве так, словно перевернула книжную страницу.

— Превосходная работа, друг мой, — ласково сказала она Креолу. — Свет Зари полностью оправдал наши ожидания. Теперь я могу находиться здесь свободно и оказывать всю возможную помощь.

— Прекрасно, — скептически произнесла Дайлариана Агония. — У нас будет полным-полно любви и дружбы. Это нам очень поможет.

— Дружба — это самая сильная магия, дитя мое, — улыбнулась Инанна. — И я буду очень рада, если ты тоже станешь моим другом.

— Посмотрим.

Инанна склонила голову, с интересом рассматривая юную колдунью. Они уже встречались, когда Инанна гостила на свадьбе Креола и Ванессы, но Дайлариана была еще совсем девочкой и редко с кем заговаривала первой. Однако уже тогда она тарщилась на Инанну с равнодушием мертвой рыбы, ничуть не смущенная присутствием богини.

С тех пор мало что изменилось.

Тем временем Шаб-Ниггурат окончательно справился с замешательством. Его глаза налились багрянцем, он схватил какого-то крохотного алуа и отгрыз ему голову. Но есть не стал — поводил по зубам и выплюнул.

Сейчас он подзакусит кое-чем повкуснее.

К зареву в небе поднялся истошный, душераздирающий вой. Сам На-Хаг позавидовал бы той ноте, что сумел взять разъяренный Шаб-Ниггурат. Прямой контроль над войском нарушился, мысли разбегались из-за полыхающего над головой Света — но луженой глотки у полководца Лэнга никто отобрать не мог.

И теперь он слал солдатам свой зов, заставлял прийти в себя, стряхнуть морок Шумерской Гетеры.

Не всем это удалось сразу. А многим не удалось совсем. Но все же большая часть демонов откликнулась и вяло, неохотно потащилась в бой. Без особого порядка, не держа строй, не думая о какой-то тактике — да и когда это Шаб-Ниггурата заботили такие мелочи? Он всегда делал ставку на численное превосходство и грубую силу.

Убить, разорвать, уничтожить — чего же проще?

Снова загудели барабаны и завизжали флейты Тоших Всадников Ночи. Услышав эти звуки и поняв, что армия демонов пришла в движение, Креол окинул взглядом свой штаб. Лод Гвэйдеон и маршал Хобокен, профессор Лакласторос и генерал-майор Моргнеуморос, Асанте Шторм и Руорк Машинист, Дайлариана Агония и Гази Мунтасир ибн Ваджих ал-Джаффа — все ожидали его приказов.

— Прекраснейшая, надеюсь, ты явилась не одна? — уточнил Креол.

— О, как вы могли так подумать, друг мой? — улыбнулась Инанна. — Разумеется, я привела с собой друзей.

Богиня взмахнула рукой, и небеса снова вспыхнули. В них раскрылась сотня порталов, сотня светящихся врат — и из каждого вниз ринулась сотня светящихся фигур.

Все небесное воинство Инанны прибыло сюда. Свыше десяти тысяч Рыцарей Света — все паладины, что при жизни стерегли от нечисти Каабар, а после смерти стали охранителями райских куш. Каждый из них был избран своей богиней отдельно, каждый прошел множество испытаний и великое служение.

И сегодня они снова выступили в поход.

Лод Каббас, их лидер, явился прямо на мостик «Алкуса Рейко». Огромного роста, облаченный в белоснежный плащ и сияющий неземным светом, он преклонил колено перед своей богиней и зычным голосом произнес:

— Приветствую тебя, о Дева, и тебя, о святой Креол. Для нас будет честью поддержать тебя в этой битве.

— Конечно, для вас это будет честью, — зло буркнул Креол. — Но лучше бы вы поддержали меня на Рари. Там я вас так и не дождался.

— Мы помогли тебе и там, — покачал головой могучий небожитель. — Наше присутствие было незримо, но...

— Незримо, вот именно, — перебил его Креол. — Толку с него — с незримого? А ты, Прекраснейшая? Тебя там тоже не было.

— Как и Йог-Сотхотха, заметь, — напомнила богиня. — Отчего, по-твоему, он так и не явился туда лично? Отчего не разметал твой Иххарий по камешку? Кто, ты думаешь, его сдерживал?

— Хм... Ладно, допустим. Но здесь-то я могу на тебя рассчитывать?

Инанна лишь улыбнулась, и была ее улыбка словно вышедшее из-за туч солнце.

А бесчисленные Рыцари Света были его лучами.

Шаб-Ниггурат собрал несметное множество демонов со всех концов Лэнга. Он потребовал от Йог-Сотхотха всеобщего призыва — и Хранитель Врат исполнил его требование.

Только вот беда — простонародье демонов не намного сильнее простонародья смертных. И когда на всех этих Надзирателей обрушились Рыцари Света...

— О подобном меня никто не предупреждал, — произнес Астрамарий, глядя на пылающее небо. — Почему они всегда на шаг впереди нас?

— Ты умолкнешь или нет, кумбха?! — прорычал Шаб-Ниггурат. Ему ужасно хотелось раздавить этот пустой шлем, осмеливающийся критиковать его... его!..

В отличие от своих смертных собратьев, Рыцари Света парили в небесах без помощи крылатых коней. Словно лебединые

крылья, за спинами их полоскались белые плащи, а в руках сияли мечи и копья божественного серебра. Те из рыцарей, что передали свое оружие живым паладинам, уже обзавелись новыми.

Горнила Девяти Небес производят клинки несравненной остроты, силы и аромата. И демоны познали это на собственной шкуре. Тысячи их погибли в первые же минуты, источились грязным пеплом.

Это было даже не битвой, а избиением. Демоны-слуги, демоны-крестьяне — что они могли противопоставить элитным истребителям нечисти? Лишь немногие пытались дать отпор, большинство же просто металось, охваченное паникой. Почти каждый думал только о том, как выжить, как уцелеть.

Так разбегаются при ярком свете тараканы.

Маршал Хобокен громко цыкал зубом. Не то чтобы он имел что-то против подкрепления, да еще такого знатного, но ему вдруг стало досадно, что все происходит как-то помимо него. У солдат Инанны не было плонетских раций, командовать ими не получалось — да они и не нуждались в указке. Их вел лод Каббас, небесный архистратиг, что был при жизни Третьим Посланником.

Инанна словно слышала мысли седого эйнхерия. Богиня коснулась его руки и ласково произнесла:

— Поберегите пока своих людей, маршал. Мои рыцари могут сражаться в полную силу только в самом эпицентре Света Зари. Чем далее от него, тем менее они смогут вам помогать. А Лэнг очень велик, и это только первая битва из множества...

Хобокен дернул головой, ничего не отвечая. Он не мог оторвать взгляда от изящной ладони, лежащей поверх его холодных заскорузлых пальцев. Если б его мертвецкая кровь могла приливать к лицу, маршал уже был бы красен, как вареный рак.

А ведь ранее никогда перед женщинами не конфузился...

В отличие от него, лод Гвэйдеон был спокоен и невозмутим. Он, лод Белькесир, лод Марак, лод Кироган, лод Кристозар и еще полдюжины самых прославленных паладинов наблюдали с мостика за грандиозной битвой — и старались запечатлеть в памяти каждое мгновение.

Сейчас они смотрели на свое будущее — смотрели на тех, кем однажды тоже станут, в чьи ряды вольются. Для того и существует Орден Серебряных Рыцарей — дабы отбирать достойнейших из достойных, испытывать их на прочность и готовить к великому служению Свету.

Порой они замечали знакомые лица — паладины, что были их наставниками, старшими товарищами. На миг в общей гуще мелькнул лод Нэйгавец — и что за счастливое лицо у него было! С какой невероятной силой он рубил демонов!

В трудные минуты Серебряные Рыцари зывают к своей богине, на краткие минуты обретая безмерную мощь. Рыцари Света этого не делают — ибо с ними богиня пребывает всегда.

Шаб-Ниггурат тем временем скрипел зубами. Он охотно швырнул бы в топку всех демонов до последнего — при условии, что сможет поохотиться над трупом врага. Но здесь, похоже, так не получится. Проклятые небожители слишком сильно накренили весы. Архидемона охватило отчаяние и бешеная злоба.

Дважды и трижды Шаб-Ниггурат взывал к Йог-Сотхотху, требуя дать портал. Но Кадаф не отвечал. Клокочущий прямо над головой Свет создавал слишком сильные помехи.

Или же Йог-Сотхотх специально не откликнулся. С этого подлого червя станется. Он же спит и видит, как бы исподтишка загубить Шаб-Ниггурата — единственного в этом паршивом мире, кто всерьез угрожает его ониксовому трону!

Однако на четвертый раз Йог-Сотхотх все-таки ответил. Он не прислал подкреплений, как надеялся Шаб-Ниггурат, но хотя бы открыл путь к отступлению. Вновь повсюду распахнулись сотни черных трещин, и демоны в считанные минуты исчезли, растворились в складках пространства.

— Подождите, пока я соберу настоящую силу! — пригрозил напоследок Шаб-Ниггурат. — Не эти отбросы!

Услышал его только Астрамарий. Король-Палач в последний раз глянул на бурю красок, что бушевала в небесах, и тоже скрылся в портале. Лишь истоптанная, изрытая когтями почва показывала, что еще только что здесь бесновались целые орды невообразимых чудищ.

Хобокен досадливо крикнул. Не понравилась ему эта ретирада, ох и не понравилась...

— Если они и дале будут так же вот туда-сюда шмыгать, мы с ними не совладаем, — сердито произнес маршал. — Хужей нет, чем когда противник мобильней тебя.

— Пусть шмыгают, сколько хотят, — усмехнулся Креол. — Единственное, что имеет значение, — захватить Кадаф и уничтожить тех, кто там сидит. Отрезать Лэнгу голову. Все остальные — лишь помеха на моем пути. И именно эту помеху ты мне и устранишь, лугаль.

— Даст Единый, устраню, — степенно кивнул Хобокен. — Но далеко ли до этого Кадафа?

— Довольно-таки далеко, — неохотно ответил Креол. — Мы на самом юге долины Инкванок. А Кадаф — на севере. Если, конечно, считать вот эту точку севером. Если считать ее югом, то мы тогда на севере. Или нет?.. Кингу бы побрал здешнее мироустройство...

— И что же мы поближе-то не зашли, прости Единый? — перебил Хобокен.

— Ближе открыть портал было невозможно, С'ньяк мог забеспокоиться. Тревожить его в мои планы пока что не входит. Рано.

Говоря это, Креол был абсолютно уверен, что все именно так и есть, что его переход именно сюда — важная часть плана. Он уже не помнил, что предполагал высадиться именно возле Кадафа и лишь сместившиеся за несколько лет координаты этому помешали.

Хобокен задумчиво подкручивал ус. Он-то как раз помнил, что изначальный план звучал немного по-другому, но его это ничуть не смутило. Железный Маршал уже начал вносить поправки, на ходу сочиняя новую стратегию.

Рыцари Света кружили вокруг основной армии, зачищая остатки демонов. Тех, кто оказался недостаточно проворен, чтобы исчезнуть в одном из порталов. Один за другим эти растяпы исчезали в световых вспышках.

А профессор Лакласторос развернул на полмостика голографическую модель Лэнга. Огромная полупрозрачная карта смотрелась несколько жутковато — со всеми этими вулканами, ледяными пиками, черным бурлящим океаном и пробирающим до костей Мертвым Царством.

Ох и нелегко же было создать эту модель! В отличие от Земли, Рари, Плонета и Каабара, Лэнг — не планета. Его форма не только не шарообразна, но и вообще плохо укладывается в классическую геометрию. Лэнг — нечто вроде четырехмерной спирали, крутящейся навстречу самой себе воронки, со всех сторон окруженной Тьмой.

Карту этого мира нереально изобразить на плоскости, да и в трехмерном виде модель получилась очень приблизительной. Но с этим все же можно было работать. Вооружившись вместо указки посохом, Креол потыкал туда и сюда, указывая важнейшие стратегические точки — тысячебашенный Ирем, Храм Ночи, центральный Полюс с восседающим на нем С'ньяком,

глубоководную опочивальню Ктулху и, конечно, Ониксовый Замок Кадаф.

— Итак, маршал, изложите же нам свою диспозицию, — ласково улыбнулась Инанна.

— Ну, ваше святейшество, будем думать, мы начнем отосюда... — пробубнил Хобокен. — А пойдём вотасюда... и здесь у нас будет лагерь... а вот туточки как раз... если, прости Единый, они здесь не нападут, дураками будут... а потому мы их подстережем... и потом уже прямым маршем... ать-два, будем думать...

Перед светлым ликом Инанны Железный Маршал стал особенно косноязычен. Он бекал, хмекал и мемекал, медленно водя крюком по карте и ворочая языком так, словно тот налился свинцом. Куда только испарилась его всегдашняя бойкость?

— Маршал, что же вы так робеете? — упрекнула его Инанна.

— Так... как же... вы, будем думать, не кобыла полковая, чтоб с вами этак-то вот по-простому... — смущенно пробормотал Хобокен.

Инанна залилась искристым, лучезарным смехом. И теперь смутился не только Хобокен, но и все присутствующие. От смеха Инанны они испытали необычайные, почти физические ощущения. Кое-кто из тертых вояк изрядно запунцовел. На лице Дайларианы отразилась паника.

— Не делай так больше, Прекраснейшая, — процедил Креол.

— Так я ничего и не делала, — невинно захлопала глазами Инанна.

Как ни странно, Хобокена этот маленький инцидент приободрил. Возможно, тем, что он увидел — дело не в нем, такой эффект Инанна производит на всех и каждого.

Причем зачастую даже против собственной воли.

— Будем думать, основной нашей топографией будет вот эта территория, — очертил крюком неровную трапецию Хобокен. — Долина Инкванок, если не путаю.

— Инква... нок?.. — неуверенно переспросил лод Гвэйдеон. — Тень смерти?.. Или смертная тень?..

При межмировом перемещении все, разумеется, познали основной язык местности — Наг-Сотх. И многие доселе бессмысленные имена и названия вдруг обрели расшифровку.

— Да, «инквада» — это тень, а «нокиа» — смерть, — подтвердил Креол.

— Нехорошее названьице, прости Единый, — цокнул языком Хобокен. — То ли вправду там смерть за каждым углом поджидает? Злыдней всяких, будем думать, немерено?..

— Злыдней там как раз нет, они в основном в Иреме... — рассеянно ответил Креол. — Но вообще демонов хватает, это верно...

— Есть ли чего страшиться, когда с нами Пречистая Дева? — пожал плечами лод Гвэйдеон.

— Я и сам могу управиться, — ревниво дополнил Креол. — Пока со мной мой посох...

— Нисколько не сомневаюсь в ваших способностях, друг мой, — улыбнулась ему Инанна. — Тем более что сразу после этого совещания я вас покину...

— В-вы не останетесь?! — всполошился Лакласторос.

Божественная сила произвела на него немалое впечатление. Приверженец учения Лизторобо, он всегда понимал под «Богом» просто абстрактную идею, символ недостижимого идеала... но сейчас перед ним находилось нечто зримое и осязаемое!

— Простите, мой ученый друг, — с сожалением покачала головой Инанна. — На мне лежит много обязанностей и помимо этой войны. Я не вправе о них забывать и не вправе отлучаться слишком надолго. Поэтому я оставляю с вами своих рыцарей и свое благословение, но сама буду навещать лишь периодически.

— Да-да, — отмахнулся Креол. — Я на тебя особо и не рассчитывал. Хотя твоя магия мне бы не помешала, конечно...

— Магия?.. — улыбнулась Инанна. — Я не владею магией, друг мой.

— Называй это как хочешь, — отмахнулся Креол.

Маг задумчиво крутанул посохом. С тех пор как в нем поселился еще и Дагон, тот стал невероятно тяжелым.

Не в физическом смысле, конечно, — в физическом смысле эта обсидиановая палка почти ничего не весила. В астральном. Сама реальность закручивалась спиралью вокруг непроницаемо-черной полосы в руке Креола. Потоки маны так и клубились вокруг наверхия.

— Распределим задачи, — коротко произнес Креол. — Лугаль. Твоя работа — расчищать пространство от мелюзги. Мне не важно, как ты будешь это делать, — главное, чтобы меня всякая мелочь не тревожила. По пустякам меня не отвлекать.

— Дело знакомое, привычное, — степенно ответил Хобокен. — Обеспечим. А только ради чего ж вас можно будет отвлечь, ваше колдунство?

— Ради кого-то по-настоящему крупного. Дух Пространств. Эмблема. Архидемон. С этими буду разбираться лично.

— В одиночку? А силенок точно ли хватит? — с притворным простодушием уточнил Хобокен.

— На Эмблем и младших архидемонов — теперь точно хватит, — взвесил посох в ладони Креол. — Меня беспокоят только наисильнейшие иерархи. Любой из них даже сейчас способен мне все испортить.

— Кто же они таковы и сколько их всего будет? — осведомился маршал.

— Четверо. Первый и самый сильный — С'ньяк. Пока что не замечает нашего присутствия, и я надеюсь, что и не заметит, пока мы не задействуем Крест Стихий. А когда задействуем... тогда будет видно, — уклончиво произнес Креол. — Второй — Ктулху. Пока что крепко спит, и мы должны сделать так, чтобы он не проснулся еще как минимум пару месяцев. Чтобы обеспечить ему крепкий сон до того времени... адмирал!

— Здесь, владыка, — отозвался Асанте Штурм.

— Помнишь, о чем мы говорили в тот раз? У тебя все готово?

— Все готово, — коротко ответил великий гидромант.

Креол растянул губы в улыбке. Он не видел большого прока от флота в основной части кампании, поэтому поручил ему специальную миссию — нейтрализацию спящего Ктулху. По заданию Креола несколько колдунов подготовили огромный мешок особой отравы. Конечно, она не убьет Ктулху и даже не усыпит его надолго, но все же сделает его сон чуть-чуть крепче, чтобы он не вскочил в самый неподходящий момент.

А когда Лэнг будет захвачен, можно спокойно поразмыслить, что делать дальше...

В отличие от Креола, Хобокен еще как видел прок в армаде летучих кораблей, поэтому слегка скорректировал планы. Придерживая Асанте крюком за запястье, он втолковывал ему:

— Вот досюдова будем двигаться совокупно — вместе, чаю, надежнее будет. А вот отсюдова мы двинемся напрямки к вражьей столице, а вы, зеньор Асанте, возьмете кого вам потребно и напрямком к морскому берегу. Вам там, будем думать, и попривычнее станет. Но постарайтесь обернуться поскорее, чтоб вернуться и нам помочь.

— Обернуться поскорее?.. — фыркнул адмирал. — Мы говорим о Бессмертной Эскадре! Нас не нужно просить обернуться поскорее!

— Вот и срядились. Вы продолжайте, зеньор Креол, продолжайте. Что вы там говорили про четырех демонских маршалов?

— Они не... впрочем, не важно. Кого я уже назвал?.. Я сбился.

— С'ньяк и Ктулху, — проскрежетал Руорк.

— Да. Третий — Йог-Сотхотх. Он с нами уже воюет, но пока что опосредованно, сидя в Кадафе. Видимо, хочет вначале ослабить нас своими рабами... или боится Креста Стихий — ждет, пока я его израсходую. Но рано или поздно он обязательно явится лично, с ним буду сражаться я — и это будет по-настоящему тяжело. Хотя к нему я подготовился... надеюсь. А четвертый — Нергал. Он не бог-демон, как остальные трое, а только Темный бог, но он... он сильнее Дагона. Намного. Его я точно не смогу затянуть — с Дагоном я и так чересчур рисковал. С Йог-Сотхотхом я рискну еще разок, потому что иначе победы нам точно не видать... но третьего бога мой посох не выдержит точно. У всех вещей есть свои пределы.

— А разве так ли уж обязательно заключать их в клеть? — спросил лод Гвэйдеон. — Почему бы не поступить с ними так, как они заслуживают?

— Убить?.. — сразу понял его Креол. — Убить гораздо труднее, даже адамантом. И риск тут еще выше. Оказавшись в эпицентре гибнущего бога, я не то что посох — я жизнь могу потерять... Нет, если совсем выбора не останется, я попробую и это... но мне все же хотелось бы этого избежать.

— И как же вы тогда собираетесь поступить с этим... зеньором Нергалом? — осведомился Хобокен.

Вместо ответа Креол повернулся к Инанне и требовательно сказал:

— Ты обещала договориться с ним о нейтралитете, Прекраснейшая. Ты сделаешь это?

— О человек, — вздохнула Инанна. — Нет такого бога, что не держал бы своих обещаний.

— Ладно. Тогда в этом я положусь на тебя.

ГЛАВА 4

Мертвое Царство. Тоскливое место даже по меркам Лэнга. Если в других частях мира Бездны царят ужас, боль и смерть, то в Мертвом Царстве — только смерть, и ничего более. Безлюдные пустоши, над которыми стелется серый туман, а почва на девять локтей вглубь состоит из костей и черепов. Громадная страна-погост.

Мертвое Царство всегда стояло немного наособицу. Здесь нет власти демонов. Взгляд С'ньяка не достигает сюда, а Йог-Сотхотх не может раскрыть портал. Дворец Нергала находится одновременно и здесь, и в Куре, мире мертвых.

И сам Нергал тоже правит обоими этими мирами — хотя печати Мардука сковывают его тоже, не дают почувствовать подлинной свободы.

Посетители здесь бывают редко. Добровольные посетители — еще реже. Но сегодня один такой все же явился к воротам дворца в виде кошмарного серого черепа.

Возможно, это и был чей-то гигантский череп.

Врата молча растворились. Чистая условность — ни живущему во дворце, ни его госте не требовались двери, дороги и прочие атрибуты вещественного мира. Им и слова-то не требовались, чтобы слышать друг друга и понимать. Боги не нуждаются в вербальных сигналах для выражения мыслей. Они не скованы ни временем, ни пространством.

Однако даже боги предпочитают использовать зримые образы, когда ведут важные переговоры. Смотреть в глаза собеседнику, видеть его лицо — и не важно, что это лицо выглядит, как пожелается его владельцу. Главное, что сейчас он именно здесь, перед тобой.

Мрачные чертоги озарило чудесным светом, и гулкое эхо отразилось от стен, когда внутрь вошла удивительной красоты женщина. Хрупкая, эфемерная, почти невесомая на вид, но каждый ее шаг заставлял циклопический дворец сотрясаться. Ибо сии древние стены привыкли к легкой поступи духов и вялому шарканью мертвецов — а сейчас среди них ступала сама Жизнь.

Посреди же тронного зала восседала ее полная противоположность.

Сам Нергал, бог смерти.

Страшен был его облик. Нергал предстал перед гостьей огромным, звероподобным и синекожим. Телом выглядящий помесью волка и обезьяны, он обладал пышной гривой и клыкастым, похожим на железную маску лицом, а на шее болталось ожерелье из человеческих глаз. Восседая на троне из окаменевшей крови, Нергал в одной руке держал тяжелый скипетр-булаву, другой гладил гигантского трехглавого пса, а восемь остальных скрестил на груди.

Любой пришел бы в трепет при виде такого чудовища. Но богиня Инанна знала Нергала уже много лет... да что там лет, ты-

сячелетий! И хотя отношения между ними не всегда были приятельскими, сейчас она взирала на хозяина дворца без малейшего страха.

— Небеса Лэнга освещены зарей, и Небесная Дева Инанна вступает в мои чертоги, — глухо произнес Нергал. — Зачем ты явилась сюда, о Прекраснейшая? Ты хочешь бросить мне вызов? Хочешь сразиться со мной?

— Что ты такое говоришь, Владыка Черепов? — захолопала глазами богиня. — Разве же я посмею?

— Не посмеешь, нет, — сумрачно усмехнулся Нергал. — Конечно, не посмеешь. Здесь этого никто не посмеет. Здесь мой чертог. Здесь я необорим. Никто и никогда не сможет одолеть меня здесь. Но если ты не желаешь бросать мне вызов — для чего тогда ты явилась?

— К чему прелюдии? — улыбнулась Инанна. — Ты знаешь, о чем я хочу тебя попросить.

— Ты хочешь, чтобы я не вмешивался.

— Ради старой дружбы, — потупила глаза богиня.

— Дружбы?.. Была ли она — дружба?..

— Что-то, во всяком случае, точно было. Когда-то. Разве нет?

Вместо ответа Нергал смерил Инанну внимательным взглядом. Та с готовностью откликнулась, пуще прежнего озаряя мрачный зал дивным, чарующим сиянием. Тени отступили, разбежались по углам, не в силах находиться вблизи живого чуда.

Инанна явилась Нергалу во всем своем блеске, красоте и величии. Чтобы произвести наилучшее впечатление, она захватила все семь своих важнейших атрибутов. С плеч богини ниспало Одеяние Владычиц, главу украшала Диадема Матери, лоб обвивала лента Прелесть Чела, на шее висело лазуритовое ожерелье Восхищения, в ушах были серьги из окаменевших слез, на запястьях — золотые обручи чистого света, а талию обнимал Пояс Любви.

Те самые атрибуты, что стали когда-то предметом великой ссоры между ней и Эрешкигаль...

Но эти божественные сокровища меркли и бледнели в сравнении с их хозяйкой. Сейчас богиня любви воплощала в себе саму Красоту, воочию являла живой идеал. Недоступный, недостижимый и бесконечно прекрасный.

И даже каменное сердце Нергала застучало чуть быстрее при виде сей благодати.

Невидимые губы коснулись запястья Инанны. Та чуть заметно улыбнулась, но ничего не сказала.

— Инанна, — разомкнулись уста бога смерти. — Иштар. Ашторет. Исида. Парвати. Афродита. Венера. Фрейя. Лада. Гуаньинь. Как много имен у тебя, богиня...

— Разве ты мне в этом уступишь? — усмехнулась Инанна. — Нергал. Анубис. Яма. Аид. Плутон. Эрлик. Чернобог. Янло-ван. Миктлантекутли. Ты гораздо старше меня, о Владыка Черепов.

— Не настолько уж я и стар, Прекраснейшая. Выпьешь чего-нибудь? Или, быть может, отведаешь граната? — сотворил спелый плод Нергал.

— Благодарю, я не голодна.

И все же Нергал накрыл дастархан. В воздухе повисла парчовая скатерть, уставленная редчайшими яствами из десятков миров. Инанна лукаво посмотрела на бога смерти и чуть надкусила крупный дуриан. Вопреки своей естественной природе, тот источник нежнейшее благоухание.

Нергал же ничего есть не стал. Конечно, богам вообще не требуется пища, но не одного голода ради мы садимся за стол. Однако вкусы владетеля Царства Мертвых таковы, что способны отбить аппетит у его сотрапезников — а этого ему сейчас не хотелось. Столь мила, чудесна и удивительна была Инанна, что даже бог смерти страшился обидеть ее пусть самой малостью.

— Помнишь ли ты, как в прошлый раз мы были здесь с Энлилем? — осведомилась Инанна. — Он поминал тебя потом множеством добрых слов...

— Не лги мне, Прекраснейшая, — саркастично улыбнулся Нергал. — Владыка-Ветер ненавидит меня, и мы оба это знаем. Скорее он откусит себе язык, чем скажет обо мне иное, кроме злословия.

— Ну не так уж он тебя и ненавидит. Он же приходил сюда, разве нет?

— Только потому, что ему нужен был посредник для той встречи в Кадафе. Хотя ему совершенно не следовало извиняться перед Йог-Сотхотхом. Тот не был расстроен гибелью Хумбабы. Она его даже порадовала.

— Я так ему и сказала, — пожала плечами Инанна. — Им ведь было очень трудно пополнять такульту...

— Да, вплоть до покорения Серой Земли оно медленно, но неудержимо таяло, — согласился Нергал. — Одних только рабов совершенно не хватало, а свежих поступлений почти не было. За

без малого шестьдесят веков Кадаф не завел ни одного нового архидемона. Если бы Гильгамеш не убил Хумбабу, а Безумный Араб — Аммаштара, Йог-Сотхотх, пожалуй, сам бы прирезал одного-двух...

— Уверена, что так бы оно и было. И Энлиль понимал все это не хуже нас. Но он принципиален, как никто. Из-за Гильгамеша была нарушена договоренность — и Энлиль не смог тому воспрепятствовать. Он счел, что это делает его отчасти клятвopепреступником.

— Давняя история, — отмахнулся Нергал. — К чему ты вдруг вспомнила о ней сейчас, Прекраснейшая?

— В тот раз ты не занял ни той, ни другой стороны. Ты остался посередине, не был ни холоден, ни горяч. Отчего бы тебе и сегодня не поступить так же, о Владыка Черепов?

— Над Инкваноком полыхает заря, а тот смертный маг идет по нему, словно бык по пашне. Так ли уж важно мое участие или неучастие?

— Твое участие или неучастие может решить исход этой войны. Ты обладаешь огромной силой, Нергал Месламтеа...

— Дагон тоже ею обладал — помогло ли ему это?

— Дагон был много слабее тебя, и мы оба это понимаем.

— Да, Дагон всегда был слабохарактерен, если не сказать труслив, — согласился Нергал. — Он опустился до того, что стал прислуживать демонам...

— ...Чего, уверена, никогда не сделаешь ты.

Нергал еще немного помолчал. Потом медленно сказал:

— То, что я не служу демонам, вовсе не означает, что я стану служить смертным. Если помнишь, я отказался помочь Мардуку.

— Но мешать ему ты тоже не стал, — напомнила Инанна.

— Лэнг тогда был силен как никогда, — отмахнулся Нергал. — А Мардук... Мардук был обычным смертным. Я был уверен, что его просто поглотят, как всех предыдущих. И мне не было до этого дела.

— Ты никогда не любил смертных, — понимающе кивнула Инанна.

— Я не испытываю к ним неприязни, — возразил Нергал. — Но симпатии они у меня тоже не вызывают. Слишком уж много я их повидал — живых, мертвых... не уверен даже, в каком виде они хуже. Их переполняют пороки... многие из них отличаются от демонов только названием. А человек, которому ты помогаешь в этот раз... он не Мардук.

— Но он во многом на него похож.

— Нравом — да, возможно, — согласился Нергал. — Я помню его, этого твоего Креола... Однажды мы с ним встречались... он призвал меня... Я это хорошо помню...

Да, он помнил тот случай. Пятьдесят веков назад архимаг Креол призвал Нергала в одном из его собственных храмов. Затерянном в песках древнем храме, где все еще иногда собирались адепты Нергала. Креол наложил бесчисленное множество печатей и превратил его в мощную магическую клеть, из которой даже бог не мог вырваться.

По крайней мере, быстро.

Нергала это возмутило и чуточку оскорбило. Его, бога смерти, поймал в ловушку какой-то смертный маг! Словно какого-то вшивого демона!

Вопиющая наглость!

Но в то же время Нергал был и немного впечатлен. Боги уважают тех, кто способен преодолеть границы возможного, — и порой вознаграждают их за дерзость.

Впрочем, чаще они испепеляют их молниями или превращают в мелких животных.

Однако у Нергала в тот день было хорошее настроение, а дома ждала возлюбленная Эрешкигаль. Ему не хотелось тратить время и силы на разламывание всех этих печатей. Так что он решил проявить снисходительность и исполнить желание мага, сумевшего пленить властелина мертвых.

Правда, Креол чуть было все не испортил, предъявив список аж из семнадцати желаний. Но Нергал, взглянув на глиняную табличку, поднапрягся, расправил плечи, и храм начал трескаться.

Увидев, как рассыпаются его печати, Креол резко снизил аппетиты. В конечном итоге Нергал исполнил всего одно желание из списка, выбрав его случайным образом, броском монеты (божья воля одарила ее семнадцатью гранями). Именно так Креол обрел Ме Разделенной Крови — способность не умирать, будучи разрубленным на части.

Воистину поразительный талант — причем безо всякой магии!

А если бы Нергал исполнил все семнадцать, Креол стал бы вообще неубиваем. Он ведь желал и вечной молодости, и абсолютной неуязвимости, и иммунитета к ядам и болезням, и нечувствительности к боли, и умения не дышать, и защиты от враждебных чар, и несгораемости... в общем, перечислил все-все-все, что помогло бы подольше прясть жизненную нить.

— Ох уж эти маги... — добродушно проворчал Нергал. — Они всегда считают, что достаточно меня призвать и я сразу начну перед ними отплясывать...

— И часто с тобой такое случается? — посочувствовала Инанна.

— В последний раз меня призывали... — задумался Нергал. — Гм... да вот в этот самый мир, из которого к нам сейчас вторглись. Рари-7148. Не на Серую Землю, правда, а на противоположный конец планеты, в один оазис посреди пустыни. Двенадцать лет назад. Была там одна молодая, но очень честолюбивая волшебница, которая хотела...

— ...Бессмертия? — предположила Инанна.

— А чего же еще? Они всегда этого хотят. Но в отличие от этого твоего Креола, печати у нее были совсем слабые. Они вряд ли удержали бы и простого утку, а меня... о-о-о... Они сломались от одного моего дыхания.

— И что же ты с ней сделал?

— Да ничего. Там при ней был телохранитель... какой-то юнец с двумя мечами. Он так дерзко на меня ринулся, когда я разломал печати... знаешь, он был абсолютно уверен, что победит. Такой самонадеянный наивняга. От неожиданности я взмахнул рукой и, кажется, слегка оцарапал ему лицо... но после этого мне стало смешно, я невольно расхохотался и ушел. А он, по-моему, ужасно обиделся, что я не воспринял его всерьез.

Инанна вежливо улыбнулась. Погрузившийся в воспоминания Нергал рассеянно теребил свое ожерелье. Каждая бусина в нем имела собственную историю, каждое око когда-то сидело в глазнице великого героя, чародея или короля.

— Ты полагаешь, он в самом деле сумеет стать богом? — спросил Нергал задумчиво. — Этот твой Креол?

— Все мы шли к этому разными дорогами, — осторожно ответила Инанна. — Возможно, его путь будет таким.

— Возможно... Но знаешь... если даже он добьется желаемого — он разочаруется. Он разочаруется сразу же. Такие всегда разочаровываются, когда до них доходит, что к безграничному могуществу прилагаются и безграничные обязанности...

— Многие разочаровываются, — согласилась Инанна. — Дети хотят скорее повзрослеть, а взрослые хотят вернуться в детство...

— Вернуться в детство невозможно... — мрачно произнес Нергал. — Зато возможно... кхм...

Бог смерти тоскливо оглядел себя и свое окружение. Снова повертел меж пальцев ожерелье из человеческих глаз.

— Ты ведь помнишь, как я стал таким, Прекраснейшая? — спросил он.

— Это произошло задолго до моего рождения, — мягко ответила Инанна. — Но я, конечно, слышала об этом...

— Я был когда-то таким же, как ты... — произнес Нергал, глядя мимо собеседницы. — Юным богом. Я тоже заботился о своей пастве, день и ночь думал о их бедах, старался помочь всем, кому возможно... Я выворачивался наизнанку, чтобы только им жилось лучше... Но раз за разом я натыкался на неблагодарность...

— У нас очень неблагодарная работа, — согласилась Инанна. — А у тебя — в особенности.

— Тогда у меня был более широкий профиль. Я занимался буквально всем — и теперь понимаю, что зря. Те, кого все устраивало, воспринимали это как должное или даже жаловались, что мало. У кого был дом — жаловался, что не дворец. А у кого был дворец — жаловался, что слишком маленький. А у кого дворец был такой большой, что больше некуда, — жаловался, что от спальни до столовой далеко ходить. Все хотели большего, все просили большего. Мало, мало, всем всегда было мало! Ну а те, у кого действительно были проблемы, винили в них исключительно меня. Кто-то умер — виноваты боги! Неурожай — виноваты боги! Каблук сломался — виноваты боги! Словно это я, я лично целыми днями сидел и думал — как бы это мне еще напакостить вот этому конкретному человечку?! Они вели себя так, словно я им что-то задолжал!

— Но ты все-таки действительно кое-что им задолжал, — мягко напомнила Инанна. — Ба-хионь.

— Ты имеешь в виду те крупитцы, которые каждый из них выделяет произвольно?! — презрительно фыркнул Нергал. — О да, это для них очень тяжелый труд! Растения при фотосинтезе выделяют кислород, и только благодаря этому смертные не задыхаются — но они бы ужасно удивились, если б растения вдруг потребовали что-то взамен! А они требовали с меня постоянно! Даже те, кто в жизни не вступал в храм, кто в жизни не принес ни единой жертвы, все равно предъявляли претензии... собственно, эти предъявляли их больше всех! И так продолжалось очень, очень долго... пока я наконец не устал утираться от плевков. Я утратил веру в людей, и мое сердце ожесточилось, напитавшись Тьмой. Я преисполнился ненависти к своей паст-

ве — и они познали эту ненависть в полной мере. По воле моей мертвые поднялись из земли, съели живых и превзошли живых в численности. После этого меня окончательно перестали любить. После этого меня только боялись и ненавидели... но теперь это была справедливая ненависть. Заслуженная. И оставшись один посреди мертвой пустыни, я наконец познал покой.

— Все мы иногда испытываем такое искушение... — вздохнула Инанна. — Но разве это сделало тебя счастливым?

— Нет. Даже самое безграничное могущество вовсе не означает счастья. Но я понял это, когда было уже слишком поздно...

Воцарилось грустное молчание. Большинство богов довольно смутно помнит свое смертное бытие, но почти все втайне по нему скучают. Скучают по беззаботному времени, когда все было просто и понятно, а на плечах не лежало никакой ответственности...

Почти никакой.

— Что станет с Лэнгом, если ты одержишь верх? — спросил наконец Нергал.

— Ты прекрасно знаешь это сам, — покачала головой Инанна. — Но на тебе это не отразится.

— Не отразится? Отчего же?

— Оттого, что ты не зависишь от такульту. Ты ведь не демон, Нергал Месламтеа, Дикий Бык Небес.

— Давно меня уже так не называли... — издал рокочущий смешок Нергал. — Скажи-ка, дорогая свояченица, понимаешь ли ты, о чем просишь?.. Понимаешь ли, КОГО просишь? Я бог смерти!

— Но смерть — неотъемлемая часть жизни. Тебе ли не знать этого? Мне ли не знать этого? Разве не связывает нас любовь к той, что была воплощением смерти?

— Любовь... — горько усмехнулся Нергал. — Воплощение смерти... Она не воплощение смерти, Прекраснейшая... У нее было имя... И не одно... Моя Эрешкигаль... Моя Инпут... Моя Кали... Моя Персефона... Моя Прозерпина... Моя Хель... Моя Морана... Моя Хине-нуи-те-по... Ты ее помнишь?..

— Помню, — ровным голосом ответила Инанна.

— О, что за огонь горел в ее глазах! Как прекрасна она была в своем хладном величии, моя королева мертвых! Сколько счастливых часов мы пережили вместе! Мои чертоги были полны счастья, когда она была здесь, со мной! — воздел все десять рук Нергал. — Я ведь действительно любил твою сестру, Прекрасней-

шая... Любил больше собственной жизни... А ты отняла ее у меня... Ты все равно что убила ее...

— Ты прекрасно знаешь, что у меня не оставалось выбора, — печально произнесла Инанна. — И ты знаешь, что она сама этого хотела...

— Знаю. Я не виню тебя, Прекраснейшая. Но и свыкнуться с потерей не могу. Ты сама-то свыклась?

— Свыклась, — коснулась груди Инанна. — Она ведь по-прежнему живет во мне.

— В буквальном смысле или в переносном?

— В обоих. Я ведь тоже любила ее, Нергал Месламтеа. А она любила меня. Мы страшно поссорились когда-то... но все это давно в прошлом. Теперь мы навсегда едины.

— Да... А вот меня ты не пригласила...

— Мы обсуждали это, но решили, что спешить не стоит. Возможно, когда-нибудь потом... если ты захочешь, конечно.

— Захочу ли?.. — с сомнением переспросил Нергал. — Не знаю. Не думаю, что это мое. Я всегда предпочитал одиночество, ты же знаешь. Но все же я буду рад получить приглашение.

— Может быть, позже, — повторила Инанна. — Позже. А пока что... быть может, я смогу заинтересовать тебя деловым предложением? Если ты его примешь, мы оба окажемся в выигрыше...

— Слушаю.

— Мы оба знаем, что победит ли Креол или проиграет, Лэнг необратимо изменится. И печати Мардука неизбежно будут разрушены. А значит, ты, как и все прочие, перестанешь быть узником Лэнга. И тогда...

Нергал слушал очень внимательно. А когда Инанна закончила излагать свой план, медленно прикрыл глаза. Ему пришлось по душе ее предложение.

— Ты... в самом деле позволишь мне это? — недоверчиво переспросил он. — Это серьезное решение...

— Очень серьезное. Да. Поверь, я долго это обдумывала и считаю, что это необходимо. По крайней мере на данном этапе.

— В таком случае, твое предложение принято, — сказал Нергал. — Ступай с миром, Прекраснейшая, и делай, что собралась. Нергал Месламтеа не станет тебе мешать.

В знак своей клятвы он сотряс землю. Все Мертвое Царство вздрогнуло, небо расколосось молниями, а дворец-череп пошел трещинами.

— А как насчет помощи? — быстро уточнила Инанна.

— Не проси слишком многого, — нахмурился владыка мертвых. — Я займу нейтральную позицию — будь благодарна уже за это.

— Я безмерно тебе благодарна, дорогой зять, — улыбнулась Инанна. — И теперь, с твоего позволения, я откланяюсь.

Нергал кивнул, не глядя в ее сторону. Могучий, страшный и грустный, он вновь оставался в своем бесконечном одиночестве. Инанна шагнула в другой мир, и вдогон ей донеслось:

— Прекраснейшая... Если однажды передумаешь... у меня всегда будет для тебя гранат.

— И возможно, когда-нибудь я соглашусь его вкусить... — чуть слышно прошептала богиня.

ГЛАВА 5

Шли четвертые сутки с момента вторжения в Лэнг. Над автоматами класса «Скорпион» развевались знамена — красно-серые полотнища Серой Земли. Вместо черной звезды Лэнга на них теперь красовались иштарианские перечеркнутые круги. Освещенные колдовским светом, они реяли в воздухе, словно гигантские цветы.

Сверху великое войско напоминало веретено. Впереди двигались группы разведчиков — в основном летучих. За ними шныряли фуражиры, собирающие те крохи припасов, что можно было добыть в Лэнге. Следом — основное войско, очень плотно сгруппированное и постоянно готовое к бою. А позади всех плыл супердредноут, прикрывая арьергард.

Он был вынужден идти довольно низко. Профессор Лакластор охотно поднял бы свою гигантскую машину в стратосферу, но в этом мире подобное невозможно. Там, где на нормальных планетах начинается разреженный воздух, в Темных мирах начинается разреженная Тьма. И все существующее в этой среде просто... умирает. Гниет, ржавеет, разваливается на куски — Тьма действует по-разному, но всегда негативно.

Даже сверхбронированный и сверхзащищенный супердредноут не устоит перед ее эманациями.

В тени его стального брюха маршировали войска. Бессчетные плонетские транспортники и военные машины, огромные автоматы Руорка и боевые гомункулы Муорока, колдуны на вемпирах и паладины на раши... Либо летучие, либо шагающие — ничего колесного.